

Людмила Зайцева о Василии Шукшине

ВСЕ

Шукшин... какая-то сокровенная тайна: то ли слышится в нем бескрайность величия и покоя привольных русских лесов и полей, сложивших русский характер, то ли шум камышей, прикрывших бездонность народной мудрости и достоинства.

Слову — нужна вера. Ему — верили.

«Нравственность есть Правда, — чеканит Шукшин, — не просто правда, а — Правда. Ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью...».

Но вот общество оказалось в лихом безверии. Так случилось, что умному, действительно негде приложить свои силы и разум — жестокие алчные правители не нуждаются в нем, напротив, он мешает им». Какие это жгучие вопросы для нашего времени.

Можно только предполагать, какой болью отозвалось бы в сердце этого неумолимого художника, Шукшина, наше время!

Тогда, в горькие октябрьские дни 1974 года, когда не стало Василия Шукшина, миллионы русских душ слились в скорби, в вере своей художнику. А через 20 лет почти другой холодный октябрь поразили русские души болью отчаяния и горечью ненависти, когда русский стрелял в русского. В дни октябрьской трагедии нашего народа, кто знает, что пережил бы сам Василий Макарович? Жизнь оставила эти вопросы без ответа. И все же мы приблизимся к Шукшину, если прислушаемся к тому, как отвечают на эти вопросы те, кто знал Шукшина лично.

Народная артистка России, Людмила Зайцева, не раз игравшая в фильмах В. Шукшина, ведет свой рассказ с предельной искренностью, пошукшински, не жалея себя.

— Скажите, Людмила Васильевна, вы удивительно точно подходите к «амплуа» русской женщины из народа, шолоховской и шукшинской героини. Таких актрис создало русское искусство, и их сегодня совсем немного — Мордюкова, Хитяева, Сазонова, Вера Васильевна, Федосеева-Шукшина... И не все они, как оказалось, само понятие «народный» связывают со служением народным идеалам. Что определяет вашу позицию?

— Я не люблю надрыва. Ни в жизни, ни в искусстве. Но думаю, что ничего, наверное, не бывает без воли Божией. Эта Смута, эта тяжелая болезнь нашего государства словно проверяет нас. И вре-

мя все расставило по своим местам. То, что я народная артистка, я не воспринимаю, как какое-то особое звание. Честно говоря, я даже об этом особо и не задумывалась. Я родилась на Кубани, с первых же увиденных мною фильмов мечтала стать артисткой. Но кроме этого страстного желания ничего за душой не было, служение искусству. Родине, народу... Нет, конечно. Я была бедной хуторской девчонкой, поймите, я говорю это потому, что хочу быть абсолютно честной перед людьми. И когда я уже училась в Театральном училище Щукина, я тоже понимала себя далеко не сразу. Позже, когда я уже сыграла в кино у Ростоцкого

в фильме «А зори здесь тихие...» старшего сержанта Кирьянову, я стала отбирать то, что мне было близко по духу, что отвечало моей природе, тому, что заложили в меня кубанская земля, родители... Оказалось, что Москва не смогла меня в себе растворить, хотя многих талантливых и способных людей из народа она растворила или просто сломала.

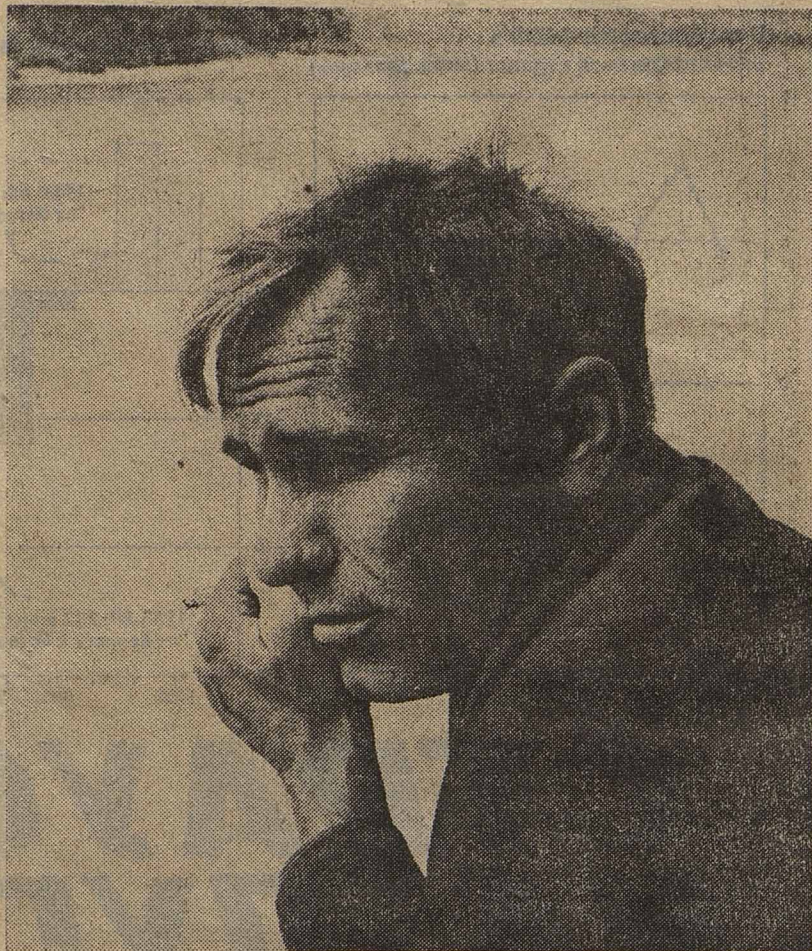
Думаю, что встреча с Шукшиным определила во мне многое. И сейчас, с высоты лет, я понимаю, что ему приходилось страдать от — назовем это «конфликтом эпохи», который сегодня обострил отношения в нашей стране так трагично.

— Вы имеете в виду столк-

новение мировоззрений? Как определила Екатерина Васильева в интервью нашей газете, столкновение типичного наднационального сознания с сознанием истинно национальным, православным?

— Да. Если человек оказался с сильными корнями, которые не дают вырвать его из родной почвы, он, во многом интуитивно, но цепляется за родную землю и выживает в этой буре разыгравшейся стихии, вырастает затем в личность. Если же нет — корни не удерживают его и он, как перекасти-поле, несет по миру, влекомый ветрами...

— Видимо, тогда, когда мы познакомились с Шукшиным, с ним что-то подобное про-

БЫЛО НЕ ЗРЯ

исходило. Я помню какую-то жуткую затравленность Василия Макаровича. Это было на киностудии. Я уже сыграла свою Кирьянову у Ростоцкого, и мне предложили роль в фильме «Печки-лавочки». Там, собственно, и роли-то, как таковой, не было. Шукшин набирал деревенское окружение своему главному герою, его родню. Нам сказали: уедем на Алтай — там распределимся. В коридоре на студии я села читать сценарий. Читала, читала и заплакала. А Василий Макарович мимо меня все шастал. Видимо, ему очень важно было знать, какое впечатление производит сценарий. Что думала я? Господи! Так чем же я всю жизнь занималась?

Да я же не тем занята!!! Вот ведь, вот оно, родное, мое! Я сразу решила, что в этом фильме играть буду обязательно, что бы ни предложили. Лидия Федосеева играла жену... Мне было все равно кого, потому что в этом сценарии была жизнь народа, и я поняла вдруг, что его написал потрясающий философ, что я читаю не просто сценарий. Кстати, я до сих пор уверена, что «Печки-лавочки» — лучшая картина Шукшина. Да, «Калина красная» прозвучала очень весомо. Но «Печки-лавочки» все равно лучше, глубже, богаче. А тогда на студии я сидела, заливаясь слезами, а Василий Макарович подошел и спросил: «Ну, что поедете на Алтай?»

Можно было уже не спрашивать, ясно — поеду, потому что я поняла, что работать с Шукшиным — это счастье. Хотя занят он был кромешно, сам главную роль играл, сам — режиссер, организационных трудностей уйма. Но я бесконечно благодарна судьбе, что попала в его картину, что он вывез нас на Алтай, бросил в этот Шульгин Лог, где мы жили,

и после Кубани я полюбила эту шукшинскую родину, как свою. Я смотрела на Шукшина, видела, уже и потом, когда снималась в другом фильме, у Риниты и Юрия Григорьевых в «Праздниках детства», видела, что родной мой, русский мужик весь по чернел от работы, исхудал, усох — ведь неведомо было мне, что «Степана Разина» ему тогда закрыли, и не понимала, что нуждается он в помощи. Встреча с ним навсегда определила мое творческое лицо — он вернул меня на грешную родную землю, и я бесконечно благодарна ему за это. Уже много позже Ростокский как-то спросил Шукшина: ну, как там у тебя моя Зайцева? «Хорошая, — говорит — девка, вот только как бы в кучу ее собрать?! А то одна половина ее на земле, а другая — в небе». Эти слова Василия Макаровича я запомнила навсегда. Не знаю, «собрала ли я потом себя в кучу», но главное я поняла — он сказал так потому, что Москва с ее модернистскими образами, которые мы страстно желали впитать, разрушала наши неокрепшие и далеко не сформированные личности. Он как прозорливый художник, конечно, понимал, что, как только человек отчуждается от родного берега, он теряет себя... Ушли из моей жизни «Печки-лавочки», пришел Мельников с картиной «Здравствуй — прощай», но я уже точно и определенно стала «выруливать» на свою дорогу жизни. И там, где я осталась верна своей народной сути, эти роли запомнились людям. За них меня они и ценят... Хотя были и другие картины.

А Василий Макарович... Я думаю, что тогда, в 1972 году, когда вышли «Печки-лавочки», а в 1974-м — «Калина красная» — он тоже для себя многое решал, это было все-таки время прорыва — к на-

родной культуре. Это напряжение прорыва стоило ему жизни, но оно многое определило в нашем общественном бытии. Сейчас, спустя почти 20 лет, после пережитой такой страшной трагедии, мы должны понять: главная задача сейчас — собрать нацию воедино. Я чувствую, на примере других, в душе своей — мы начинаем как нация созреть, осознавать себя. Мы должны хорошо понимать, что ни в коем случае нельзя потерять все то хорошее, что нарабатала нация в советское время.

— Наверное, очень странно прозвучат в нынешнем контексте времени слова В. М. Шукшина из той же публицистической статьи «Нравственность есть правда», но, как известно, уж кто-кто, а Шукшин не пристраивался к власти, и поэтому над этими словами его стоит задуматься:

«Философия, которая — вот уж скоро сорок лет — норма моей жизни, есть философия мужественная. Так почему я, читатель, зритель, должен отказывать себе в счастье — прямо смотреть в глаза правде? Разве не смогу я отличить, когда мне рассказывают про жизнь, какая она есть, а когда хотят заставить обмануть? Я не политик, легко могу запутаться в сложных вопросах, но как рядовой член партии коммунистов СССР я верю, что принадлежу к партии деятельной и справедливой, а как художник я не могу обманывать свой народ...».

— Я не вижу в этих словах В. М. Шукшина никакого противоречия. Наоборот, те, кто сейчас утверждает, что «ах! был огромный пробел в истории России — советское время», лгут! Не бывает так — выбрать 70 лет из истории народа невозможно! Наш народ — удивительный! Народ

неверующий не смог бы победить фашизм, выстоять перед таким страшным нашествием. Наш народ всегда верил и верит в свое великое предназначение, несет в себе этот заряд веры, и то, что мы сейчас переживаем такое трудное время, — Россия ищет свой единственный и неповторимый путь. Только не надо народ торопить. Его главные идеи должны выродиться в нем. Да, мы пережили страшные события в октябре 1993 года. Я тоже впадала в уныние, страдала от отчаяния. Но во мне живет и укрепляется ощущение — только через скорбь, потери, страдания, Россия выйдет, обязательно выйдет на свой путь.

— Часто можно услышать: нам сейчас очень не хватает Шукшина. Об этом говорил Распутин, об этом говорят верные Шукшину читатели. И это происходит, видимо, потому, что та неистовость, с которой он жил, творил, писал и ставил свои фильмы, давала нам силы. Достаточно повторить слова его: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степеня уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту...».

Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык... Я верую, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания — не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это».

— Да! Поработать нас нельзя. Если даже не останется сотня, даже 2—3 человека, да если я, Людмила Зайцева, одна останусь, все равно я ощущаю себя Россией, а Россию поработить нельзя! Я верую! Да и я не одна, далеко не одна...

Галина ОРЕХАНОВА.